

(8) There is no evidence of Dr D's intention, but it seems obvious that he had no wish to return to Europe and that he preferred to die in Africa (Greene 1981: 67).
Ср.: ...he preferred to die while he was in Africa.

Проведенный анализ, не претендуя на полноту, однако, позволил сделать вывод о том, что и контекст самого предложения, и более широкий контекст – контекст ситуации служат, с одной стороны, фиксации «чистого» локативного значения, с другой стороны – актуализации темпорального значения в предложениях с рассматриваемыми предложно-именными группами. Возможно, в некоторых случаях употребление более кратких вариантов (предложно-именных групп локальной семантики как свернутых предложений со своим предикатным словом) связано в языке с принципом экономии, являясь, таким образом, отражением пространственно-временных отношений в их тесной взаимосвязи.

Литература

1. Бадхен М.В. Поле пространственной локализованности в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1981.
2. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка / на материале современного английского языка/. – Л., 1984.
3. Лягушкина Н.В. Семантические представления, релевантные для описания значения ряда пространственных предлогов и наречий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002
4. Филиппова В.М. Глагольно-именные словосочетания с временным значением в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка: Сб-к статей. – М., 1955. – С.159-205.
5. Черкашина Л.М. Семантическая структура и синтез темпорального значения предложных конструкций в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972
6. Bartsch R. The Grammar of Adverbials: A study in the semantics and syntax of adverbial constructions. – Amsterdam, 1976.
7. Doctorow E.L. Ragtime. – London, 1977.
8. Greene G. Journey Without Maps. – New York, 1981.
9. Hailey A. The Moneychangers. – 4th printing. – London and Sydney, 1977.
10. Hailey A. Overload. – New York, 1986
11. Hailey A. Wheels. – New York, 1986.
12. Morgan E. The Making of a Woman Surgeon. – London, 1981.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СЕМАНТИКОЙ ФИЗИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТОВ АНТРОПОСФЕРЫ

О.В. Кузьмина
Белгород

Безличные предложения (БП) стихийной модели, репрезентирующие природные процессы, имеют довольно широкое распространение при обозначении различных психофизических состояний человека (точнее, его организма), а также его ментальной деятельности, при этом в конструкции обязательно присутствует эксплицитное указание на носителя состояния: *Es friert*

mich, *Es ist mir kalt* (ср.: *Es friert*, *Es ist kalt* как обозначения процессов биосферы), *Es gruselt mir*, *Es scheint mir* и т.д.

В лингвистической литературе долгое время эти конструкции рассматривались как абсолютно безличные предложения, обозначающие бессубъектные процессы, физические состояния, не зависящие от человека.

Косвеннопадежные формы, обозначающие лицо, по отношению к которому констатируются подобные состояния, трактуются как дополнения, „объектный аккузатив/датель“, „личный/персональный объект“. В семантическом плане „персональный объект“ рассматривается как „точка приложения“ состояния, *betroffene Person; Person, die vom Vorgang befallen ist* („страдающая“, „аффицируемая“ личность) (Brinkmann 1971: 204).

Однако в процессе анализа грамматической и семантической структуры в их симметрии/асимметрии постепенно формируется мнение об асимметрии данного типа БП, являющейся безличным по форме и личным по содержанию, и косвенное указание на носителя состояния получает обозначение как „дательный/винительный субъекта“, *Akkusativ/Dativ der Person*, „агенс“, „субъект состояния“, „демиагенс“, „косвенный субъекта“, „смысловой субъект“ (Helbig 1988: 150; Золотова 1973: 161; Крушельницкая 1961: 184-185; Moskalskaja 1983: 239-240; Кокорина 1979: 12).

Довольно многочисленную группу БП составляют предложения, репрезентирующие состояния человека (его организма или отдельных органов), при этом в нашем материале преобладают высказывания, отмечающие определенные отклонения от нормального состояния, нарушающие гомеостаз человека, постоянство состава и свойств внутренней среды и устойчивость основных физиологических функций организма человека.

Рассматривая конструкции этого типа, следует отметить, что в них внутренние физические (физиологические) процессы и состояния человека репрезентируются как самовозникающие, произвольные, не зависящие от его воли; они в известной мере сохраняют парадигматическое значение „стихийности“ поскольку эти состояния носят „природный“ характер, произвольно возникают из физиологической „стихии“, на базе внутреннего, скрытого механизма саморазвития человеческого организма. Носитель состояния в рамках подобных высказываний выступает лишь как „арена действия“, „точка приложения“ тех или иных самовозникающих или саморазвивающихся процессов; субъект не мыслится выполняющим функции производителя действия, например: рус. *мне не спится, меня тошнит*; англ. *It seems to me, It hurts me*; нем. *mich hungert, mich schläfert*; исл. *minnir mik*. (В падежной грамматике субъекты такого типа обозначаются термином „реципиенс“).

По структуре предиката данные предложения подразделяются на две группы: предложения с глагольным предикатом и предложения с именным предикатом.

В лексическом наполнении глагольного предикатного компонента употребительны переходные и непереходные глаголы, безличные глаголы и личные глаголы в безличном употреблении, выражающие различные состояния организма человека.

В составе именного предиката употребляются, прежде всего, связочные глаголы *sein* и *werden*, в позиции предикатива выступают качественные прилагательные с семантикой физического состояния, нередко в сочетании с оценочно-кваликативными оттенками: *Ihm war/wurde schlimm, schlecht, gut, heiß, kalt, schwindlig, übel, schwer*.

Глагол *tun* в нашем материале встречается в сочетании с лексемой *weh*: *Es tat ihr/ihm weh*. Эти высказывания в силу неполнозначности *tun* занимают промежуточное положение между глагольными и именными предикатами.

Значение физического состояния выражают устойчивые обороты – фразеосхемы типа „*Es geht*“, „*Es ergeht*“, „*Es steht*“ и т.п.: *Der Gattin Herrn Klöterjans ging es leidlich in dieser Zeit (Th. Mann)*.

Однако наряду с кваликативными компонентами в структуре высказываний с именным сказуемым встречаются конкретизаторы различного рода, „локализирующие“ сферу физических ощущений, ср.: *Im selben Augenblick wurde es mir schwarz vor Augen ... (Finnischer Tango). ... mir ist so dumm im Kopfe ... ich habe Fieber (S. Zweig). Es tat seinen Augen weh, ständig so weit in die Ferne zu sehen (Finnischer Tango)*.

Глагольные предикаты содержат либо сенсорные глаголы, обозначающие физическое состояние (*frösteln, frieren, schmerzen, kränkeln*), либо глаголы, получающие образное, метафорическое переосмысление (*zucken, jucken, hämmern, knistern, pochen, brausen, brummen, schneiden, überwältigen* и т.п.); в нашем материале глаголы второй группы преобладают. Высказывания этого типа могут также содержать „локальные“ конкретизаторы: ... *in den Ohren brauste es (Finnischer Tango). ... es knisterte in den Zehenspitzen (J. Becher). ... wie's in meinem Herzen reißt (J. W. Goethe). ... es zuckt und hämmert mir in den Schläfen, ... (S. Zweig). Dabei schnitt es ihm kalt durch den Leib, ... (H. Mann)*. Иногда в постконтексте конкретизируется „стихийная сила“, одолевающая человека: ... *da hatte es Georg überwältigt, halb Schlaf, halb Erschöpfung (A. Seghers)*.

Носитель состояния получает в конструкциях обоих типов косвенную репрезентацию. Средствами косвенной номинации субъекта-реципиенса являются:

1. „Дательный субъекта“: *Immer war ihr ein wenig übel ... (Finnischer Tango). Es ist ihm nicht ganz gut gewesen... (I. Becher). Sie wollte noch etwas sprechen, aber es ward ihr zu schwer (S. Zweig)*.

2. „Винительный субъекта“: */Запрокинув голову, Георг пытается взглядом достичь самого высокого купола.../ .. daß es ihn schmerzte (A. Seghers). Ich wickelte mich in meinen Mantel. Mich fröstelte (S. Zweig)*.

3. Притяжательное местоимение (в составе „дательного/винительного субъекта“ или локального конкретизатора): *Seit ihrer letzten Karte, sagte sie, sei es mit seinem Vater noch viel schlimmer geworden (H. Mann). ... wenn es sich auch in meinem Kopfe ein wenig gedreht hätte (Finnischer Tango)*.

4. Имплицитная репрезентация (на основе семантического согласования предиката или локального конкретизатора с субъектом антропосферы): *Es tat*

weh, ... meine Arme zitterten... (S.Zweig) Wenn's in der Backe böse pocht, ist die Ursache meist ein Loch im Zahn (GEO).

Нередко состояние, выражаемое предикатом, либо ослабляется с помощью аппроксиматора, либо усиливается посредством интенсификатора.

Местоимение *es* в конструкциях этого типа факультативно: при инверсии оно либо опускается (чаще всего после сенсорных предикатов), либо сохраняется (прежде всего после глаголов с переносным значением и в фразеосхемах): *In letzter Zeit erging es ihr so sonderbar (Finnischer Tango). Tut's dir noch weh? (J.Becher). ... ihm wurde schwarz vor den Augen (Finnischer Tango).*

К данной семантической модели следует, на наш взгляд, отнести также примеры, в которых констатируются вкусы и „гастрономические“ наклонности человека: *Wir aßen Butterbrote. Es schmeckte mir, als müßte ich mich zu gewaltigen Taten stärken (J.Becher). – Willst du Senf an den Gurkensalat? – Mir ist's nie zu scharf (A.Seghers).*

По характеру коммуникативной интенции автора речи и степени осведомленности коммуникантов о семантическом субъекте безличные предложения, выражающие физическое состояние человека, в основном характеризуют субъект как определенное лицо в силу его эксплицитной выраженности или довольно четкой репрезентации в контексте. Именно это обстоятельство служит основанием для сопоставления данных БП и близких по значению личных предложений (ЛП) с номинативным оформлением субъекта: *Mich friert – Ich friere; Mich dürstet – Ich habe Durst/(ver)durste; Mich hungert – Ich habe Hunger/hungere.* Дистинктивным признаком данных моделей предложений является признак зависимости/независимости предикативного состояния от воли его носителя. Употребление безличных и личных предложений, обозначающих физическое состояние, регулируется различным углом зрения говорящего, эти конструкции выражают его различные коммуникативно-прагматические установки. На различие языковых значений в конструкциях *Es hungert mich/Mich hungert* и *Ich hungere*, а также в подобных им конструкциях указывает большинство авторов, занимающихся исследованием БП (Ф.Миклошич, К.Бругманн, И.Эрбен, Г.Бринкман, И.Даль и др.). И.В.Царькова при сравнении подобных конструкций также отмечает, что предложение *Ich hungere* обозначает длительное состояние голода, которое может быть продиктовано волей человека (*Sie hungert, um schlank zu werden*). А конструкция *Mich hungert* обозначает состояние голода в настоящий момент, т.е. «разница значений данных конструкций связана с аспектуальным характером процесса; недлительность, одномоментность, произвольность противопоставлены длительности, постоянству, сознательности» (Царькова 1987: 19).

В заключение следует отметить, что в ряде случаев не существует резкой грани между физическими, психологическими и ментальными состояниями человека, рассмотрение изолированных примеров ослабляет доказательную силу научных гипотез, поэтому решающую роль в этих конструкциях играет проекция в контекст.

Литература

1. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка (учебное пособие). – М., 1973.
2. Кокорина С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. – М., 1979.
3. Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков – М., 1961.
4. Царькова И.В. Грамматические способы выражения агенса и деми-агенса в современном немецком языке: Автореф. дисс. .. канд. филол. наук – М., 1987.
5. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – Düsseldorf, 1971.
6. Helbig G. Die pronominal Form *es* im Lichte der gegenwärtigen Forschung // Gedenkschrift für Ingerid Dal – Tübingen, 1988 – S. 150-167
7. Moskalskaja O Grammatik der deutschen Gegenwartssprache – М., 1983.

ПЕРФОРМАТИВ КАК ОСОБОЕ ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНОЕ ЕДИНСТВО (на материале немецкого языка)

О.В. Куликова
Тамбов

Лингвистика преследует двойную задачу: описание фактов, явлений и постижение сущности этих явлений в языке, то есть определение их значимости, их положения в системе языка, их природы и закономерностей их функционирования. Изучая разнообразные формы проявления языковых фактов, наука стремится вскрыть их внутреннее содержание (Гак 1998: 16).

Научный интерес к глаголу не случаен. В своем генезисе глагольные слова уходят в глубочайшие слои истории, представляя первый опыт языковой категоризации явлений окружающего мира. Кроме того, по обилию форм и характеру грамматических категорий глагол является самой сложной и конструктивной частью речи.

В когнитивном аспекте глагол рассматривается как особое дискурсивно-когнитивное образование, синтезирующее концептуальные, содержательные признаки, ориентированные на внешний мир, формирующиеся в процессах познания и восприятия мира, свойственные человеку еще на довербальном этапе его существования, а также дискурсивные, функциональные характеристики, которые являются внутрисистемными и связаны с развитием системы языка (Кубрякова 1997: 253).

В контексте когнитивной лингвистики постулируется положение о том, что глагольные слова передают информацию о событиях, включая специфические взаимоотношения между участниками последних, а также характеристики, важные для ситуативного определения того или иного события и образующие, так называемый, событийный компонент – импликационное значение, которое переменено настолько, насколько многообразны связи и зависимости сущностей и событий в мире (Никитин 1997: 8). Имеющийся в распо-